

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

Кафедра «Уголовное право и процесс»

40.03.01 Юриспруденция

Уголовно-правовой

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Отдельные проблемы уголовной ответственности за террористическую деятельность

Студент	<u>Х.Р. Магомадова</u> (И.О. Фамилия)	_____ (личная подпись)
Руководитель	<u>О.Ю. Савельева</u> (И.О. Фамилия)	_____ (личная подпись)

Допустить к защите

Заместитель ректора - директор
института права,
канд. юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина _____
(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Тольятти 2017

АННОТАЦИЯ

Настоящая бакалаврская работа посвящена исследованию вопросов, связанных с уголовной ответственностью за преступления террористической направленности. Террор, подогреваемый значительными людскими и материальными ресурсами, является общемировой проблемой. Начало нового тысячелетия ознаменовалось не только эпохой информационной революции, но и, как извращенное, побочное следствие, - «гибридными» войнами, где воздействие оказывается в том числе и одним из наиболее опасных рычагов - тотальным террором. Радикальные идеи, попадая в благодатную почву, вызванную отсутствием направляющих и поддерживаемых людьми идей и веры, разрушают человека и государство изнутри, уничтожают его духовную и материальную сущность.

Целью бакалаврской работы является разработка теоретических и практических рекомендаций и предложений, которые направлены на формирование базовых основ уголовной ответственности за преступления террористической направленности, а также совершенствование уголовного законодательства и практики его применения на основе изучения исторического развития, комплексного уголовно-правового анализа проблем квалификации преступлений террористической направленности.

Объектом бакалаврского исследования выступает группа урегулированных уголовным законом общественных отношений, возникающие в связи с совершением преступлений террористической направленности.

Предметом исследования выступают отдельные проблемы квалификации преступлений террористической направленности.

Работа написана на основе обширного круга источников, включающего как учебную и специальную литературу, так и правовые акты.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования.

Объём работы в целом составляет 52 листа.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. Ответственность за террористическую деятельность по российскому и международному законодательству	9
1.1. Ответственность за террористическую деятельность по российскому уголовному законодательству	9
1.2. Ответственность за террористическую деятельность по международному уголовному законодательству.....	15
Глава 2. Вопросы квалификации отдельных преступлений террористической направленности	33
2.1. Вопросы квалификации террористического акта	33
2.2. Уголовная ответственность за организованную террористическую деятельность	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	48

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. В настоящее время борьба с терроризмом как нельзя более актуальна. Террор, подогреваемый значительными людскими и материальными ресурсами, является общемировой проблемой. Начало нового тысячелетия ознаменовалось не только эпохой информационной революции, но и, как извращенное, побочное следствие, - «гибридными» войнами, где воздействие оказывается в том числе и одним из наиболее опасных рычагов - тотальным террором. Радикальные идеи, попадая в благодатную почву, вызванную отсутствием направляющих и поддерживаемых людьми идей и веры, разрушают человека и государство изнутри, уничтожают его духовную и материальную сущность.

Бороться с терроризмом нельзя как с обычной, общеуголовной преступностью. Его надо предотвращать, поскольку если теракт уже совершен, то, соответственно, будут решены поставленные цели и задачи, а дальнейшее раскрытие преступления (если при этом не будут установлены организаторы) не сыграет останавливающей роли. Для примера: при краже мы находим преступника и похищенное имущество, ущерб возмещается, лицо несет заслуженное наказание, которое играет превентивную роль, останавливая желающих совершить подобные деяния. При террористических актах все по-другому: гибель людей, смерть самого террориста только способствуют популяризации радикальных идей и вербовке их новых сторонников.

Таким образом, принципиальное значение приобретает предотвращение таких преступлений. В.А. Воротов по данному вопросу вполне справедливо отмечает: «Исследуя состояние и эффективность борьбы с терроризмом, можно констатировать, что серьезных результатов пока не достигнуто. Слабым звеном является запаздывание действий правоохранительных органов по отношению к планируемым и осуществляющимся террористическим акциям. Все известные

террористические акты были внезапны для правоохранительных органов»¹.

Степень разработанности темы. Вопросы, связанные с уголовной ответственностью за террористическую деятельность, являлись предметом рассмотрения в трудах ряда ученых, а именно: А.О. Безверхова, А.Г. Волеводз, А.В. Карягина, С. Максимова, Т.Н. Москальковой, М.В. Сипки, Н.А. Чернядьевой и других авторов. Настоящая бакалаврская работа является продолжением научных исследований данных авторов.

Объект и предмет исследования. *Объектом* исследования выступает группа урегулированных уголовным законом общественных отношений, возникающие в связи с совершением преступлений террористической направленности.

Предметом исследования выступают отдельные проблемы квалификации преступлений террористической направленности.

Цели и задачи исследования. *Цель* бакалаврской работы состоит в разработки теоретических и практических рекомендаций и предложений, которые направлены на формирование базовых основ уголовной ответственности за преступления террористической направленности, а также совершенствование уголовного законодательства и практики его применения на основе изучения исторического развития, комплексного уголовно-правового анализа проблем квалификации преступлений террористической направленности.

Поставленная цель предопределила решение следующих *задач*:

- провести анализ ответственности за террористическую деятельность по российскому уголовному законодательству;
- провести анализ ответственности за террористическую деятельность по международному уголовному законодательству;
- провести уголовно-правовой анализ террористического акта;
- провести анализ уголовной ответственности за организованную террористическую деятельность.

¹ Васильев А.В. Финансовая разведка России: на стратегическом рубеже // Право и экономика. - 2004. - №6. – С.9.

Теоретическую основу исследования составили труды следующих ученых: А.О. Безверхова, А.Г. Волеводз, А.В. Карягина, С. Максимова, Т.Н. Москальковой, М.В. Сипки, Н.А. Чернядьевой и других авторов.

Нормативной базой исследования являются: Конституция РФ, действующее уголовное законодательство России и отдельные нормативно-правовые акты международного уровня.

Структура работы. Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, объединяющих два параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РОССИЙСКОМУ И МЕЖДУНАРОДНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

1.1. Ответственность за террористическую деятельность по российскому уголовному законодательству

Терроризм стал известен мировому сообществу еще очень давно. Он активно стал проявляться 19 веке. В частности, обращаясь к истории России, о зачатках терроризма можно говорить с образованием социалистической организации «Народная воля». Говоря о дореволюционных путях борьбы с участниками данных организаций, можно сказать, что государством в основном применялись силовые методы воздействия на терроризм, такие как казни, тюрьмы и ссылки. Осуществлялось законодательное противодействие терроризму, примером которого может послужить Положение о военно-полевых судах, утвержденное Николаем II. Но некоторые государственные деятели пытались придать борьбе с терроризмом не только репрессивный характер, но и пытались найти причину и устранить сами зачатки этого преступления. В частности, деятельность министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, который разрабатывал план по внедрению в России конституционного строя. Также начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов, планирующий построение «полицейского социализма», предполагал создание под контролем полиции профессиональных союзов, которые должны были направить действия революционеров на легальную защиту экономических интересов рабочих¹. При этом действия вне правового поля должны были строго наказываться в рамках этой идеи. Однако данные действия не принесли плодотворного эффекта и не смогли снизить деятельность террористических формирований. В целом дореволюционные методы борьбы с подобного рода преступлениями были

¹ Пономарев Е.Г. Политический терроризм в России во второй половине 19 века // Журнал Общество и право. - 2012. - №5. - С. 29.

направлены не на реализацию превентивных мер, а на реализацию силовых мер против уже совершенных терактов. В дореволюционной России, несмотря на попытки отдельных государственных деятелей, не удалось создать действенную систему решения социально-политических противоречий.

Вместе с тем необходимо отметить, что в дореволюционном законодательстве России отсутствовали определения «терроризм», «террористический акт». В частности, в Уголовном уложении 1903г. довольно часто использовались понятия «взрыв», «взрывчатое вещество», «снаряд», но по-прежнему отсутствовали сами понятия «терроризм» и «террористический акт».

Что касается законодательства советского периода, то Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. впервые ввел в российское законодательство понятие «террористический акт» и содержал сразу несколько статей о запрете совершения подобных деяний в части первой «О контрреволюционных преступлениях» главы I Особенной части («О государственных преступлениях»). Так, ст. 64 УК РСФСР предусматривала ответственность за организацию терактов «в контрреволюционных целях».

Если обратиться к более позднему периоду, а именно 1990-м гг. и до настоящего времени, то можно говорить о том, что юридически Россия нацелена в первую очередь на устранение самих причин возникновения терроризма. Отдается предпочтение именно принципу мер предупреждения и профилактики подобного рода преступлений. Данное положение говорит о готовности государственных органов к устранению проблем, нерешенность которых может привести к террористическим проявлениям, до их обострения.

Современный терроризм – явление многогранное, что осложняет работу отечественного законодателя по формированию правовой базы противодействия терроризму и определению критериев отнесения того или иного противоправного деяния к террористическому.

Рост числа преступлений террористической направленности становится стабильным. Так, за 2011 год в России было зарегистрировано 622 преступления террористического характера, что на 7,1% больше, чем в 2010г. А за 2012г.

уже 637, что на 2,4% превышает показатели 2011г.¹. Отчасти данная тенденция преломлена в 2014г. Так, глава ФСБ России А. Бортников, выступая в конце октября 2014г. на заседании Национального антитеррористического комитета, заявил, что за неполный 2014 год террористы совершили 69 преступлений, 45 из которых – в Дагестане. В результате 41 силовик погиб, 125 получили ранения². 2015 год не стал исключением. Согласно общей статистике (МВД) в 2015г. возросло количество преступлений террористического характера и составило 1531, что на 35 % больше, чем в 2014 году.

Терроризм на сегодняшний день представляет реальную угрозу безопасности не только отдельных государств, но и всего интернационального сообщества. Его проявление во всех своих формах является как внутригосударственным, так и международным правонарушением, влекущим ряд негативных последствий со стороны гражданского населения, а так же со стороны иностранных государств которые, вытекают во внешние политические отношения. Как отметил Президент РФ В. Путин: «Россия давно на переднем рубеже войны с террором, за будущее всей цивилизации». Свидетельством тому являются события в Сирийской республике, где наши войска совместно с правительственными войсками Башара Асада выполняют ряд определенных задач, в том числе и искоренение терроризма в местах его зарождения и процветания. Цель данной операции – не допустить проникновения и распространения «Чумы 21 века» на территории нашей страны.

В противодействии терроризму существенная роль отведена совершенствованию правоохранительной системы, результатом которой является создание нового органа исполнительной власти на базе внутренних войск Федеральной службы войск национальной гвардии, совершенствование уголовного законодательства РФ, устанавливающее ответственность за терроризм и повышение уровня правоприменительной практики. В идеале все российское правовое поле

¹ Состояние преступности. Статистика //http://mvd.ru/

² Мозжухин А. Террора стало меньше вдвое //http://rusplt.ru/society/

должно быть оценено через призму необходимости противодействия терроризму.

Исследование проблем противодействия террористической деятельности носит многоаспектный характер. Общеизвестно, что данная противоправная деятельность затрагивает различные стороны общественных отношений, которые в целом обеспечивают состояние защищённости общества и государства от внутренних и внешних угроз. В правовой оборот введено даже такое понятие, как «террология»¹, т.е. наука о преступлениях террористической направленности.

По мнению Н.Н. Маршаковой «разработка основных направлений уголовной политики, в том числе политики противодействия преступлениям террористической направленности, является важной не только в научных, но и в практических целях»². Согласно последним изменениям, внесённым в УК РФ Федеральным законом от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»³ практически все преступления, относящиеся к группе преступлений террористической направленности, подверглись законодательному редактированию.

По справедливому суждению В.П. Малкова, группу преступлений террористической направленности следует объединять по признаку их посягательства на «состояние защищённости личности, общества и государства от разнообразных внутренних и внешних угроз общего опасного характера»⁴.

¹ Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. - М., 2008. - С. 11.

² Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. - 2015. - №24. - С. 34.

³ Российская газета. – 2016, 7 июля

⁴ Малков В.П. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2005. - С. 405.

Мы также согласны с утверждением, что к непосредственному объекту составов преступлений террористической направленности можно отнести интересы общественной безопасности¹.

Компаративный анализ уголовно-правовых норм об ответственности за деяния террористической направленности показывает, что российское антитеррористическое законодательство претерпело значительную эволюционную модернизацию.

Так, в нашем государстве приняты и действуют:

-Федеральный закон от 6 марта 2006г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму»²;

-Федеральный закон от 7 августа 2001г. №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³;

-Указ Президента РФ от 15 февраля 2006г. №116 «О мерах по противодействию терроризму»⁴;

-Указ Президента РФ от 14 июня 2012г. №851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства»⁵;

-Указ Президента РФ от 13 сентября 2004г. №1167 «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом»⁶ и др.

В частности, сам термин «терроризм» закреплен в Федеральном законе от 6 марта 2006г. №35-ФЗ. Здесь по терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных

¹ Маршакова Н.Н. Указ. соч. С. 34-39; Новое уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. - М., 1996. - С. 224.

² Собрание законодательства РФ. – 2006. - №11. - Ст. 1146.

³ Собрание законодательства РФ, - 2001. - №33 (часть I). - Ст. 3418.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 2006. - №8. - Ст. 897.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2012. - №25. - Ст. 3315.

⁶ Собрание законодательства РФ. – 2004. - №38. - Ст. 3779.

насильственных действий» (ст. 3). Помимо общей терминологии, Закон хорошо прописывает организационные основы противодействия терроризму и полномочия всех уровней власти в этой области. Подробно описан в Законе, к примеру, правовой режим контртеррористической операции, который может вводиться на определенной территории в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства (ст. 11). Законом также оговорены порядок возмещения вреда, причиненного в результате теракта (ст.18), и иные меры помощи пострадавшим в ходе него (ст. ст. 19-21).

Президентом РФ 5 октября 2009г. утверждена Концепция противодействия терроризму в РФ¹, в которой определены основные тенденции современного терроризма, выделены внутренние и внешние факторы, способствующие возникновению и распространению терроризма в РФ, охарактеризована общегосударственная система противодействия терроризму, раскрыто содержание правового, информационно-аналитического, научного, материально-технического, финансового и кадрового обеспечения противодействия терроризму, обозначены основные направления международного антитеррористического сотрудничества.

После трагических событий в Волгограде Госдумой РФ в 2014 году был принят большой пакет антитеррористических поправок, в частности:

-в ч. 1 ст. 205 УК РФ объединены как реальное совершение взрывов, поджогов или иных действий с указанными в законе целями, так и угроза совершения данных действий;

-внесен в ч. 2 ст. 205 УК РФ такой квалифицирующий признак как причинение значительного имущественного ущерба;

-включены в качестве квалифицирующих признаков причинение смерти умышленно и по неосторожности;

-объективная сторона ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» включает совершение таких действий как склонение, вербовка или

¹ Российская газета. – 2009, 20 октября.

иное вовлечение лица в совершение ряда преступлений, что фактически охватывается понятиями пособничества и подстрекательства, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ;

-включено в примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ понятие пособничества, полностью дублирующее содержание ч. 5 ст. 33 УК РФ.

При этом, как отмечает А.В. Карягина, санкции, предусмотренные по отдельным составам преступлений террористической направленности, не соответствуют принципу справедливости, согласно которому наказание, применяемое к виновному, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности преступника. Однако, за пособничество законодателем предусмотрен максимальный срок лишения свободы, равный максимальному наказанию за террористический акт с отягчающими обстоятельствами, и который на пять лет превышает наказание за оконченный состав террористического акта¹.

Как отмечает автор, не отрицая общественной опасности пособничества в совершении деяний террористической направленности, тем не менее нельзя ставить на один уровень организаторов и реальных исполнителей терактов и пособников, которые играли только вспомогательную роль в совершении преступления².

1.2. Ответственность за террористическую деятельность по международному уголовному законодательству

Терроризм – проблема не только нашего государства. Большая часть террористических атак в 2013г. была совершена всего в трех странах, сообщается в отчете Национального консорциума изучения терроризма и реакции на терроризм.

¹ Карягина А.В. Модернизация российского антитеррористического законодательства на современном этапе // Уголовная политика РФ: проблемы формирования и реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - 2016. - С. 118.

² Там же. С.119.

Как отмечается в преамбуле к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1) международное сообщество, осознавая опасность терроризма и стремясь выработать эффективные меры по его предупреждению, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций (например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма), Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма и др.

В международных документах указывается, что терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении актов терроризма и других предусмотренных указанными конвенциями преступлений, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом, и им следует назначать наказание с учетом тяжести совершенных преступлений. Наряду с этим, меры по предупреждению или пресечению таких преступлений должны приниматься при соблюдении верховенства закона и демократических ценностей, прав человека и основных свобод, а также других положений международного права.

В последние десятилетия активно распространяются новые нетрадиционные формы террористических нападений, опирающиеся на наукоемкие технологии и не подпадающие под категорию «оружие» средства: электромагнитные, информационные и компьютерные атаки. Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ В. Соболев, выступая на Международной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму, заметил, что международный терроризм и часто смыкающаяся с ним транснациональная преступность сейчас пытаются овладеть самым современным оружием, в ряду которого

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. - №4.

и информационные средства, Интернет, биологические и иные новейшие технологии, которые по своему разрушающему воздействию могут сравниться с оружием массового поражения¹.

Так, например, как кибертерроризм была квалифицирована серия атак, совершенных хакерами из Алжира и Туниса 12 - 18 января 2015 г., на сайты государственных органов Франции, в том числе и воинских частей (по некоторым источникам, пострадали 19 тысяч ресурсов)².

Указанные атаки формально не могут подпадать под запрещающее действие действующих универсальных антитеррористических конвенций, не порождают для государств международно-правовых обязательств совместного противодействия. По мнению ряда исследователей, в целях эффективной борьбы с новыми видами террористической активности требуется активизация международной правотворческой деятельности, акцентированной на ранее конвенционно не охваченных аспектах террористической угрозы³.

Несомненно, современный Интернет представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся систем. Количество пользователей глобального киберресурса растет в геометрической прогрессии: по данным Совета Европы, в 2002 г. в мире насчитывалось 600 миллионов пользователей⁴, а в 2015 г. их было уже более 3,2 миллиарда⁵.

Распространенность Интернета, его мультиюрисдикционность, высокий уровень анонимности в Сети, широкие возможности использования и, что немаловажно, недостаточный уровень правового регулирования создают беспрецедентные условия для криминалитета⁶. Эксперты компании Norton в 2013

¹ Максимов С. Кибертерроризм приравняли к оружию массового поражения // <http://www.infoshos.ru/>

² Государственные сайты Франции подверглись кибератакам // <http://www.beltsynd.ru/>

³ Москалькова Т.Н. Международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом в Российской Федерации // Российский судья. - 2007. - №4. - С. 43.

⁴ Совет Европы призвал мир объединиться для борьбы с киберпреступлениями. // <http://www.bezpeka.com/>

⁵ МСЭ публикует данные по ИКТ за 2015 год. Революция в ИКТ последних 15 лет подтверждается статистическими данными. Пресс-релиз Международного союза электросвязи. 26.05.2015 // www.itu.int/newsroom

⁶ Нургалиев Р. Электронный патруль // Российская газета. - 2009, 16 октября.

г. подсчитали, что ежегодный ущерб от деятельности интернет-преступников только в США составляет в среднем 250 млн. долларов, а во всем мире - в среднем 388 млрд. долларов, что превышает ущерб от контрабанды наркотиков в 1,5 раза¹. Е. Касперский считает Россию государством, наиболее уязвимым в мире перед атаками кибертеррористов².

Важным аргументом в пользу скорейшего международно-правового регулирования Всемирной сети является то, что в связи с теоретической несогласованностью природы правонарушений в сфере IT-технологий становится реальной их оценка и практическая реакция на них со стороны ряда государств как на вариант боевых действий. Следствием этого может стать военный конфликт, в который будут втянуты наиболее развитые с технической точки зрения государства.

В 2001 г. Советом Европы был разработан и с 2004 г. в рамках данной организации действует единственный пока в своем роде международно-правовой документ - Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS №185), заключенная в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.³. По обоснованному мнению, ряда государственных деятелей, специалистов в области IT-технологий и международного права, анализируемый документ несовершенен, с практической точки зрения малоэффективен.

Конвенция охватывает недостаточный на сегодняшний день объем компьютерных преступлений. По словам бывшего Генерального секретаря Международного союза электросвязи (далее - МСЭ) Х. Туре, Конвенция «немного заплыла»⁴. За время после появления данного соглашения появились новые интернет-услуги, новые способы участия преступников в киберпространстве. Так, за пределами соглашения оказался кибертерроризм, несомненно требую-

¹ Ущерб от интернет-преступности стал больше, чем от наркоторговли // URL: <http://news2world.net/>

² РФ более уязвима перед угрозой кибертерроризма, чем США - Касперский. URL: http://ria.ru/defense_safety/

³ <http://www.consultant.ru/>

⁴ Батуева Е.В. Американская концепция угроз информационной безопасности и ее международно-политическая составляющая: дисс. ... канд. полит. Наук. - М., 2015. – С. 125.

щий адекватного ответа со стороны мирового сообщества.

Анализ юридической техники данной нормы Конвенции позволяет высказать следующее соображение. Разработчики данного акта - это в своем большинстве страны традиционной Европы, связанные тесными и прочными политико-правовыми узами, общей судьбой и историей. Поэтому для них выглядит естественной ситуация свободного допуска для своих партнеров к святым святым ИТ-контента национальной безопасности. Для остальных государств, в том числе и России, имеющих конкурирующие политические и экономические интересы в региональном и общемировом масштабе, положение о полной прозрачности собственного информационного пространства может выглядеть критическим и неприемлемым.

В международном праве вопросы противодействия кибертерроризму имеют несколько иной контекст, чем в национальном законодательстве. Основная задача согласованного между государствами документа о противодействии киберпреступности в целом и информационной версии террористических преступлений видится в создании базы для гармонизации законодательств государств - участников договора, формировании правил взаимодействия правоохранительных органов для пресечения и предотвращения подобных деяний, выработке универсальных юрисдикционных подходов, в случае совершения транснационального преступления. Кроме того, в международном документе необходимо закрепить организационную структуру глобальной системы противодействия киберпреступности. Все эти задачи можно решить, только создав универсальные нормы, устанавливающие единые для всего мира правила функционирования Всемирной сети. Поэтому следует поддержать инициативу России, предложившей в 2011 г. для обсуждения в рамках ООН Конвенцию о международной информационной безопасности (концепция)¹.

Ст. 5 данного документа устанавливает основные принципы обеспечения информационной безопасности. основополагающим посылом принципиальной части Конвенции, согласно проекту, является то, что информационное про-

¹ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // <http://www.infoshos.ru/>

странство является общечеловеческим достоянием. Этот акцент представляется исключительно важным, подчеркивающим современную значимость Всемирной сети и устанавливающим общий вектор развития ИТ-пространства. Среди базовых положений документа необходимо отметить идеи неделимости безопасности (безопасность одного государства неразрывно связана с безопасностью всех остальных), сохранения государственного суверенитета над национальными сегментами Интернета, ответственности за собственное информационное пространство, недопустимость вмешательства извне.

Проект Конвенции призывает государства-участники не применять ИТ-технологии, в том числе Интернет, для ведения агрессивной деятельности и создания угроз для международного мира и безопасности. Важное место в документе отведено нормам о противодействии преступной и террористической деятельности и сотрудничеству государств в борьбе с ними (ст. ст. 8 - 9).

Эти положения имеют новаторский характер, отражают общую позицию ООН, неоднократно выраженную в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, в которых содержится призыв к развитию международных принципов, улучшающих глобальное информационное пространство и телекоммуникации и помогающих сражаться с информационным терроризмом и преступностью.

Анализ проекта Конвенции о международной информационной безопасности показывает, что он имеет принципиально иную основу, чем европейская Конвенция 2001 г. Это может послужить осложняющим фактором для ведения переговоров и выработки общемировой позиции в процессе утверждения окончательного текста и его принятия в ООН. Страны, присоединившиеся к европейской Конвенции 2001, в силу имеющегося противоречия между правилами двух документов, не смогут быть участниками обоих актов, будут настаивать на действии европейского варианта соглашения об информационной безопасности.

Так, США, активно поддерживающие принципы, реализованные в Конвенции 2001 г., в 2004 г. инициировали принятие в Организации американских государств документа «Всеобъемлющая межамериканская стратегия кибербез-

опасности: многоаспектный и комплексный подход к созданию кибербезопасности», который подчеркивает необходимость правовой гармонизации в сфере киберпреступлений, считает необходимым предусмотреть в национальных законодательствах стран - участниц ОАГ преступления, зафиксированные в европейской Конвенции 2001 г.¹.

Из недостатков проекта Конвенции о международной информационной безопасности Н.А Чернядьева отмечает слабое внимание вопросам контроля за мировыми информационными сетями². В настоящее время обсуждается несколько вариантов юридического оформления этого вопроса.

Первый вариант - это сохранение существующей системы саморегулирования Всемирной сети. Автором данной концепции являются США. По их мнению, необходимо сохранить принцип невмешательства в дела Интернета как основного механизма управления им и минимизации государственного участия в данном процессе; это должно обеспечить продвижение американских (демократических) ценностей в глобальном масштабе и стать важным условием для обеспечения доступа к глобальному информационному пространству³. В связи с событиями последних лет, например из-за скандалов, связанных с прослушиванием спецслужбами США телефонных переговоров европейских лидеров, раскрытием персональных данных пользователей Microsoft, Yahoo!, Google, Facebook и др., возникают сомнения в истинности названных задач киберстратегии США. Думается, что данное государство озабочено прежде всего сохранением всеми способами своего лидирующего положения, в том числе и в информационной сфере, а не проблемой равного доступа всех к ресурсам Интернета и обеспечением прав человека в информационной сфере. Поэтому нельзя согласиться с этим предложением по регулированию Всемирной сети.

Второй вариант - это создание универсального конвенционного акта, раз-

¹ A Comprehensive Inter-American Cybersecurity Strategy: A Multidimensional and Multidisciplinary Approach to Creating a Culture of Cybersecurity. June 8, 2004. // <http://www.oas.org/>

² Чернядьева Н.А. О международных подходах правового регулирования борьбы с кибертерроризмом // Информационное право. - 2016. - №2. - С. 26.

³ Батуева Е.В. Указ. соч. С. 114, 118.

работанного и принятого в рамках ООН, в котором бы разрешались все юридически значимые аспекты регулирования и охраны всемирных информационных сетей. Инициатором этого, как уже говорилось выше, выступила Россия.

Третий вариант был предложен ЕС, который считает необходимым делегировать полномочия по контролю за Интернетом МСЭ¹. Действительно, эта специализированная организация ООН уполномочена решать широкий круг вопросов в области информационно-коммуникационных технологий, в том числе распределять радиочастотный спектр и спутниковые орбиты, разрабатывать технические стандарты для информационных сетей и технологий и др.². Однако особенностью компетенции МСЭ является то, что все предусмотренные Уставом виды его деятельности имеют технический, эксплуатационный характер. Поэтому не представляется возможным признать в пределах правоспособности МСЭ весь спектр необходимого правового поведения для обеспечения безопасности Всемирной сети.

Кроме того, вызывает сомнение правомочие МСЭ принимать решения о кибербезопасности, которые будут иметь безусловную силу для государств - участников Союза. Стандарты (технические рекомендации) МСЭ, согласно сложившемуся мировому правопорядку, относятся к разряду норм международных организаций, представляющих собой, по обоснованному мнению Г.И. Тункина, разновидность международных договоров, основывающихся на согласовании воли государств, а не «на законодательной власти международных организаций»³. Таким образом, с организационно-правовой точки зрения МСЭ ограничен в руководящих интернет-возможностях.

В связи с этим роль МСЭ в создании безопасного мирового киберпространства видится как роль активного и необходимого, но не единственного участника. Его основные функции - это обеспечение технического и информационного взаимодействия, координация действий государств-членов по вопро-

¹ Совет Европы призвал мир объединиться для борьбы с киберпреступлениями // <http://www.hackzona.ru/>

² Устав Международного союза электросвязи, принятая в г. Женеве 22.12.1992 // Собрание законодательства РФ. – 1996. - №48. - Ст. 5370.

³ Тункин Г.И. Теория международного права. - М.: Зерцало-М, 2015. – С.12.

сам использования радио-, электро-, киберсетей. Организационно-правовые вопросы сотрудничества, борьба с преступностью в киберпространстве и преследование лиц, виновных в совершении опасных кибердеяний, должны стать областью совместных действий государств и ООН.

Поэтому представляется логичным включить МСЭ в систему универсальной защиты информационной глобальной сети как неотъемлемый элемент, обеспечивающий, в рамках своих полномочий, функционирование Интернета, электро- и радиосвязи. Оптимальный способ придать этому положению нормативно-правовой характер - это включить его в текст конвенционного акта, поддержанного большинством государств ООН.

Таким образом, предложение нашего государства о создании международного соглашения, регламентирующего порядок использования Интернета (второй вариант решения вопроса), логично может быть дополнено и конкретизировано специальным механизмом управления и контроля в части технических моментов, порученным МСЭ.

Необходимо также обратить еще на одну проблему, существующую в международном праве – это проблема правового статуса субъектов, участвующих в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических организаций.

Так, например, С.А. Ковалев всех противостоящих правительственным или оккупационным войскам называет «повстанцами», независимо от характера конфликта, а возможность обозначения «...полноценной войны «антитеррористической операцией» - «лукавым и двусмысленным языком политики»¹.

В.Н. Русинова считает, что если члены террористической организации де-факто представляют собой правительственную армию (как это было в Афганистане в период Талибана, до конца 2001 г.), то они подпадают под понятие комбатантов. Следовательно, к ним должны быть применены все соответствующие нормы Женевских конвенций, на них распространяется статус военнопленных,

¹ Ковалев С.А. Предисловие к книге А. Найера. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. - М., 2000. - С. 10.

они не могут быть привлечены к ответственности за применение силы против комбатантов противника. В случае немеждународного вооруженного конфликта в отношении участников подобных преступных образований, считает исследователь, корректно использовать термин «незаконный комбатант»¹. Аналогичную точку зрения ранее высказывал М. Сассоли².

Министерство обороны США в новой инструкции/руководстве о правилах ведения войны (2015) использует термин «непривилегированная воюющая сторона», понимая под ним любых лиц, которые участвуют в военных действиях, соответствуют одной или нескольким позициям строевого статуса (например, могут стать объектом нападения и задержания), но которые не имеют права на какие-либо привилегии комбатанта (например, военный иммунитет и статус военнопленного)³. Террористы, наряду с другими иррегулярными воинскими образованиями, подпадают под эту категорию. По мнению Министерства обороны США, непривилегированные воюющие могут рассчитывать на применение к ним лишь основных гарантий гуманного обращения к ним (элементарных соображений гуманности), предусмотренных в обычаях международного права⁴.

По мнению Н.А. Чернядьевой нельзя согласиться ни с тем, что террористы могут выступать в качестве субъектов международного гуманитарного права – комбатантов, ни с тем, что они могут выступать в качестве нарушителей международного гуманитарного права - незаконных (непривилегированных) комбатантов⁵.

Во-первых, как отмечает автор, признание комбатантами *de lege lata* влечет недопустимую легализацию феномена терроризма, введение его в ранг признаваемого и регулируемого, а не запрещаемого, социально-политического и

¹ Русинова В.Н. Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вест. РГУ им. П. Канта. - 2008. - С. 25, 26.

² Sassoli M. Symposium on the Guantanamo Entanglement - The Status of Persons Held in Guantanamo under International Humanitarian Law // Journal of International Criminal Justice. 2004. N 2.1 (96). P. 96 - 98.

³ Law of War Manual (June 2015). P. 103. URL: <https://publicintellgence.net/dod-law-of-war/>

⁴ Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 93.

⁵ Там же. С.94.

правового явления¹.

Во-вторых, террористы не могут быть признаны представителями воюющей стороны: если они не относятся к составу действующих вооруженных сил государства (сил сопротивления), то не могут представлять какой бы то ни было признанный субъект международного гуманитарного права. Соответственно, они не могут получить статус военнопленного. Кроме того, у задержания и лишения свободы военнопленного совершенно иные цели, чем у задержания и лишения свободы субъекта террористического поведения. Во время традиционного конфликта вражеские силы до окончания войны ведут активные боевые действия. Решение о пленении принимается в отношении неопределенного круга лиц на основании общепризнанного предположения, что трудоспособный враг вернется к борьбе в составе вооруженных сил противника. Поэтому считается, что освобождение пленных целесообразно проводить после окончания военных действий.

Задержание террористов преследует иную цель: предотвращение будущего преступного поведения и возможность предания суду для назначения уголовного наказания (превентивно-пенитенциарная цель). Террористы, как правило, не связаны присягой в своем боевом статусе, не решают задачи, присущие признанным субъектам международно-правового пространства. Их поведение характеризуется иной, более высокой степенью социальной опасности, чем классическое участие в вооруженном конфликте².

В-третьих, террористы, как правило, не атрибутированы как вооруженные силы государства: наличие у них ответственного командования, знаков различия, внутренней дисциплины и приказного порядка поведения вызывает сомнения. Соответственно, в правоприменительной практике возникают проблемы квалификации их деяний как участников воюющей стороны.

В-четвертых, существуют процессуальные различия между оформлением и судебным сопровождением задержанных комбатантов и террористов. Первые

¹ Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 95.

² Там же. С.95.

подлежат специфической процедуре, возможно, внесудебной, осуществляемой в рамках оборонного ведомства государства. А террористы, как преступники, подлежат следствию и суду в соответствии с национальными уголовно-процессуальными нормами¹.

По поводу включения террористов в категорию незаконных комбатантов (в рамках международных вооруженных конфликтов) либо гражданского населения (если речь идет о немеждународных вооруженных конфликтах) можно возразить следующее.

Во-первых, необходимо дифференцировать степень общественной опасности деяний лиц, которые взяли за оружие в военных действиях, и активных участников террористических организаций, воюющих за антицивилизационные, античеловечные идеалы. Первые участвуют в конфликте, исполняя приказы, реализуя волю субъекта политико-правового пространства. За пределами войны они не должны представлять опасность для правопорядка. Поэтому, например, ст. 6 (5) Дополнительного протокола II предлагает государствам проводить масштабную амнистию всех задержанных и лишенных свободы после окончания немеждународного конфликта.

Поведение террористов не обусловлено военной ситуацией. Окончание военного конфликта не станет причиной для отказа от преступного поведения: они останутся носителями недопустимой идеологии, участниками запрещенных организаций, возможно, будущими (или уже состоявшимися) исполнителями терактов на «мирной» территории.

Во-вторых, круг возможных составов преступлений террористического характера значительно шире, чем совершение терактов внутри боевых действий. Международное гуманитарное право не рассматривает как правонарушения: организацию террористического сообщества, оправдание терроризма, пропаганду и финансирование терроризма, вербовку в целях терроризма и т.д. Однако если будет признано, что террористы получают статус субъектов

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года) // <https://www.icrc.org/>

международного гуманитарного права, может возникнуть коллизия распространения правил о незаконных комбатантах и иных нарушителях МГП на других лиц, преимущественно гражданских, которые причастны к боевому террористическому преступлению. К. Брэдли приводит в качестве примера ситуацию, в которой пожилая дама из Швейцарии внесла деньги в благотворительный фонд, который, как оказалось, поддерживал деятельность Аль-Каиды. Согласно законодательству США она должна считаться непривилегированным комбатантом и подлежать пленению по нормам международного гуманитарного права¹.

В-третьих, если речь идет о международных вооруженных конфликтах, необходимо отметить несоответствие террористов требованиям, установленным п. 4 ст. 1 Дополнительного протокола I, о целевом характере борьбы негосударственного субъекта (против колониального господства и иностранной оккупации; против расистских режимов; в осуществлении своего права на самоопределение). Из этого следует, что террористы формально не подпадают под действие Дополнительного протокола I, даже если принимают участие в международном вооруженном конфликте.

В Дополнительном протоколе II, в котором речь идет преимущественно о защите гражданского населения, правовой статус лиц, участвующих в немеждународном вооруженном конфликте, не раскрывается. Это дает основание ряду исследователей, в том числе и представляющих официальную позицию Международного Красного Креста, считать, что на них распространяется режим гражданского населения. Такое положение необходимо признать недопустимым, дискредитирующим правовой статус гражданского населения в целом, не вносящим ясности в вопрос о комплексе прав и обязанностей воюющих лиц в немеждународном конфликте и действительно «мирных», не принимающих участия в вооруженных выступлениях граждан.

Специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных казнях Ф. Алстон в 2006 г. акцентировал внимание на необходимости защиты граждан-

¹ Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 95.

ского населения, на опасности дезориентации должностных лиц по поддержанию правопорядка, угрозе жизни невинных людей и [вероятности] логического обоснования ошибок, уводящих от решения подлинно сложных проблем, которые возникают в связи с угрозой правовой неопределенности статуса гражданских лиц и вышедших из строя представителей воюющих сторон¹.

Несовершенство существующего правового регулирования рассматриваемой сферы позволило ряду исследователей, например С. Захари, прийти к выводу, что термин «незаконный комбатант» является лишь «описательной» фразой, а не юридической категорией; для нее нет места в правовом пространстве².

В научной литературе высказано мнение, что целесообразно в рамках международного гуманитарного права разработать либо самостоятельный акт, либо как специальный раздел для Дополнительного протокола II комплекс правовых норм, посвященных «нестандартным» участникам вооруженных конфликтов, к которым исследователи относят и террористов³. Это предложение представляется недостаточно убедительным. В случае его реализации может возникнуть опасность правовой коллизии между нормами гуманитарного права и уголовного права, если они посвящены правовому статусу террористов; не будет прозрачной ситуация с кругом субъектов, отвечающих за противодействие террористической угрозе; сложится двусмысленность в отношении правовой судьбы задержанных лиц, обвиняемых в террористических преступлениях.

Представляется более правильным детально урегулировать все вопросы правового статуса террористов, в том числе и в части обеспечения защиты их личного статуса, в рамках специального антитеррористического права. Необхо-

¹ П. п. 45, 65. Гражданские и политические права, включая вопросы об исчезновениях и казнях без надлежащего судебного разбирательства. Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни: доклад Специального докладчика Филипа Алстона. E/CN.4/2006/53. 8 March 2006. // <http://www2.ohchr.org/>

² Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 96.

³ Процун С.С. О возможности повышения эффективности применения норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием международных террористических организаций // Альманах Международного права. - 2010. Вып. 2. - С. 324 – 325.

димо исходить из того, что террористы - это преступники, они должны иметь особый правовой статус, оцениваться за пределами международного гуманитарного права.

При этом нельзя поддержать точку зрения, например, В. Билковой и Ю. Динштейна, что исключение террористов из круга субъектов международного гуманитарного права повлечет лишение их защиты с помощью норм международного права, оставит их на правовое усмотрение задержавшего их государства¹.

Действительно, международное гуманитарное право создает режим защиты для всех участников - физических лиц в вооруженном конфликте. В отношении тех, кто незаконно принимает участие в боевых действиях, применяются так называемые минимальные гарантии, в том числе недопустимость внесудебных казней, право на гуманное обращение, право на судебные процедуры в независимом и должным образом созданном суде (общая ст. 3; ст. 5 четвертой Женевской конвенции; ст. 75 Дополнительного протокола I; ст. ст. 4, 5, 6 Дополнительного протокола II). Все эти правила, как отмечено в нескольких актах Международного суда ООН², в силу своей фундаментальности должны соблюдаться всеми государствами³. Об обычном характере гарантий, установленных в ст. 75 Дополнительного протокола I, и в силу этого их обязательности говорилось в решениях высших национальных судов США и Израиля - государств, не являющихся участниками этого документа⁴.

Соответственно, можно сделать вывод, что вооруженное противодействие терроризму не отрицает применимости к физическим лицам - террористам гарантий и правовой защиты, имеющих обычно-правовой характер⁵.

Еще один довод в пользу исключения террористов из круга субъектов международного гуманитарного права - это закрепление в праве прав человека

¹ Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 96.

² Там же. С.96.

³ Там же. С.96.

⁴ Там же. С.96.

⁵ Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов // Уголовное право. - 2016. - №6. - С. 18.

всех основных защитных механизмов и гарантий, обеспечивающих должную досудебную и судебную поддержку для террористов. А. Паулюс, М. Вашакмадзе на основе анализа дела *McCann v. United Kingdom* (ЕСПЧ) сделали вывод, что защита, предоставляемая правом прав человека, в отношении террористов - участников немеждународных вооруженных конфликтов шире, чем защита, предоставляемая международным гуманитарным правом¹. Аналогичные выводы следуют и из других дел, связанных с контртеррористической борьбой, рассмотренных ЕСПЧ².

А. Аветисян считает, что основные гарантии, предусмотренные для участников немеждународных вооруженных конфликтов, заимствованы из соответствующих соглашений по правам человека³.

П.Г. Зверев пишет о максимальной близости и возможности слияния в недалеком будущем правозащитных комплексов международного гуманитарного права и права прав человека⁴.

К. Брэдли указывает, что обычные международно-правовые средства защиты прав человека значительно шире, чем те, которые предусмотрены минимальными стандартами международного гуманитарного права, и включают в том числе договоры в области прав человека такие, как Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения⁵.

В.Н. Русинова доказывает интегративный характер норм международного гуманитарного права и права прав человека в части обеспечения прав человека в вооруженных конфликтах, считает, что такой подход существенно снижает возможность государства манипулировать как фактами, так и правом, призна-

¹ Паулюс А., Вашакмадзе М. Асимметричная война и понятие вооруженного конфликта - попытка разработать концептуальную модель. С. 24. URL: icrc.org>rus/assets/files...paulus.pdf.

² Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 97.

³ Аветисян А. Защита прав лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт немеждународного характера // *International Humanitarian Law: Problems and Perspectives for Development. (Collected Articles)*. Yerevan: Rau Publishing House, 2009. С. 33.

⁴ Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 97.

⁵ Там же. С.97.

вая или нет наличие вооруженного конфликта¹.

Таким образом, можно признать обоснованными опасения, что задержанные участники террористических группировок окажутся без защиты международного права.

Итак, подведем итоги исследования. Имеются обоснованные возражения теоретического и практического характера для признания лиц, ведущих террористическую деятельность, субъектами международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право не предусматривает полноценного регулирования отношений с участием нетрадиционных субъектов военного конфликта, в том числе и террористов. Сторонники включения этой категории лиц в систему субъектов международного гуманитарного права признают необходимость выборочного применения к ним правил и использования, помимо норм международного гуманитарного права, иных правовых комплексов (в связи с отсутствием необходимых инструментов реагирования внутри международного гуманитарного права)². Подобная непоследовательность правоприменения не может считаться допустимой, соответствующей принципам справедливости, гуманизма, правовой определенности. Не логично в рамках одного общественного отношения частично считать террористов субъектами международного гуманитарного права (например, в период активных военных действий), а частично - ожидать, что иные правоотношения с их участием будут юрисдикционно подведомственны другим правовым комплексам. Кроме того, признание за ними правового статуса, как и у иных участников вооруженных конфликтов, влечет за собой категориальное смешение, способствует сохранению правовой неопределенности при разграничении террористов и борцов за свободу и национальную независимость.

¹ Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм Международного гуманитарного права и Международного права прав человека: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2016. - С. 390 - 392.

² Сассоли М., Олсон Л.М. Взаимодействие международного гуманитарного права и права прав человека там, где это действительно важно: допустимость убийства и интернирования боевиков во время немеждународных вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. - 2008. - №871. - С. 194.

По итогам вопросов, рассмотренных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы:

Ответственность за террористическую деятельность в российском и международном уголовном законодательстве претерпела существенную трансформацию по сравнению с позапрошлым столетием, когда он стал активно проявляться. В частности, на законодательном уровне понятие террористического акта была впервые закреплена только в УК РСФСР 1922г. В дальнейшем количество законодательных актов антитеррористической направленности и преступлений террористической направленности, которые отражались в отечественном уголовном законодательстве, постоянно увеличивалось пропорционально росту террористических актов, совершаемых как в России, так и зарубежом.

Кроме того, технический прогресс обусловил появление новых разновидностей террористической деятельности – «кибертерроризм», «биотерроризм» и т.д. В частности, борьба с кибертерроризмом в международно-правовом пространстве требует решения двух важных вопросов: глобальное регулирование Интернета и создание правовой базы для борьбы с киберпроявлениями терроризма.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

2.1. Вопросы квалификации террористического акта

В соответствии со ст. 205 УК РФ террористический акт представляет собой «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Анализ социально-правовой сущности представленного определения террористического акта позволяет сказать, что террористический акт является многообъектным преступлением.

Во-первых, терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности человечества, развитию дружественных отношений между государствами.

Во-вторых, объектами террора являются основные права и свободы человека и гражданина, включая право на жизнь, здоровье, собственность.

Еще один объект преступления – интересы государственной власти, территориальная целостность страны, социально-политические и экономические основы государственности¹.

В структуре действующего УК РФ объектом данного преступления выступают общественная безопасность, а также жизнь и здоровье граждан, собственность всех видов.

¹ Безверхов А.О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. - 2013. - №1. – С.4-11.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является совершение общественно опасного деяния, которое альтернативно может выражаться в:

- устрашении населения и создании опасности гибели человека;
- угрозе причинения значительного имущественного ущерба;
- угрозе наступления иных тяжких последствий.

Элемент реальности угрозы при террористическом акте является необходимым ее признаком. Исходя из этого, характеристика угрозы террористического акта требует указания на наличие оснований опасаться осуществления угрозы (как это сделано, например, в ст. 119 УК РФ).

Признаки устрашения населения раскрываются в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1. Они выражаются в действиях, которые по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п.

Соответственно, мы полагаем, что устрашение населения – это существенная характеристика действий при террористическом акте, основное свойство деяния в целом, а не признак субъективной стороны (цель).

Опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий должна быть реальной, что определяется в каждом конкретном случае с учетом места, времени, орудий, средств, способа совершения преступления и других обстоятельств дела (данных о количестве людей, находившихся в районе места взрыва, о мощности и поражающей способности использованного взрывного устройства и т.п.).

Под угрозой наступления иных тяжких последствий в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1 понимается устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жи-

лых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

Способ выражения угрозы, помимо взрыва и поджога, описанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ, может заключаться в устном высказывании, публикациях в печати, распространение с использованием радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей.

Как нам представляется для более точной квалификации деяния по в ч. 1 ст. 205 УК РФ целесообразно внести определенные изменения в диспозицию данной нормы, а именно, после слов «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений» указать «или воздержания от принятия решения». Кроме того, в ч. 1 ст. 205 УК РФ адресатов воздействия указывать в единственном числе, с использованием между ними разделительных союзов, подчеркивая альтернативность данных субъектов.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, характеризуется виной в форме умысла. При этом вид умысла может быть только прямым.

Из положений судебной практики следует, что о направленности умысла виновного на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций может свидетельствовать совершение перечисленных в ст. 205 УК РФ действий в отношении сотрудников того или иного государственного органа или международной организации либо их имущества, например, взрыв, поджог здания, в котором располагается государственный орган или международная организация¹.

Так, Б. по приговору осужден за бандитизм, то есть участие в устойчивой вооруженной группе (банде), совершаемых ею нападений; незаконное приобре-

¹ Справка по итогам изучения судебной практики Ульяновской области по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности // <http://www.consultant.ru/>

тение, ношение, хранение, передачу, перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, организованной группой; терроризм, то есть совершение взрыва, поджога и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказания воздействия на принятие решений органами власти, с применением огнестрельного оружия, организованной группой 12 апреля 2004 года в с. Ишхой-Юрт; умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба, путем поджога, взрыва и иным общеопасным способом 12 апреля 2004 года в с. Ишхой-Юрт; терроризм, то есть совершение взрыва и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказания воздействия на принятие решений органами власти, с применением огнестрельного оружия, организованной группой 30 апреля 2004 года в с. Аллерой; умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба, путем взрыва и иным общеопасным способом 30 апреля 2004 года в с. Аллерой¹.

Ст. 205 УК РФ состоит из трех частей. Соответственно, террористический акт имеет три состава: основной (ч. 1), квалифицированный (ч. 2) и особо квалифицированный (ч. 3).

Квалифицированный состав включает три разновидности террористического акта. При этом деяния, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, как и основной состав, относятся к преступлениям с усеченным составом. Они будут считаться оконченными с момента совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, считается оконченным с момента совершения указанных действий.

¹ Постановление Президиума Приморского краевого суда от 09.01.2017г. №44У-4/2017 // <http://www.consultant.ru/>

В п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ речь идет о совершении террористического акта группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Под организованной группой понимается устойчивая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы).

В случае признания террористического акта совершенным организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении этого преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статьи 205 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ (п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1).

В п. п. «б», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 205 УК РФ речь идет о наступлении конкретных общественно опасных последствий, а именно: физический ущерб в виде вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ) или смерти (п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ; имущественного ущерба (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ); организационный вред ((п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ).

О причинении вреда здоровью по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ в диспозиции данной нормы ничего не говорится, там фигурирует только термин «иные тяжкие последствия». О том, что тяжкие последствия в данном случае выражаются именно во вреде здоровью говорится в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1 «к иным тяжким последствиям применительно к п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ могут относиться, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам».

Что касается последствий в виде смерти, то согласно п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1 в случае, если террористический акт повлек

умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует. При этом необходимо отметить, что речь идет именно о случаях фактически наступившего летального исхода. В этой связи в судебной практике возникают проблемы, связанные с квалификацией действий лица, совершившего террористический акт и покушение на убийство.

Так, в суд по месту отбывания наказания обратились В.С. Власов с ходатайством о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом и его адвокат с аналогичным заявлением. Постановлением суда от 23 марта 2011 года ходатайство осужденного и заявление адвоката удовлетворены частично: действия В.С. Власова переквалифицированы с ч. 3 ст. 205 УК РФ в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. №74-ФЗ на п. «а» ч. 2 данной статьи в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. №321-ФЗ, срок наказания по которой снижен до тринадцати лет трех месяцев, а окончательное наказание - до семнадцати лет шести месяцев лишения свободы. При этом суд отметил, что покушение на убийство, также вмененное осужденному, не охватывается составом преступления, запрещенного п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ, устанавливающим ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку; в данной части приговор оставлен без изменения. С таким решением согласились суды кассационной и надзорных инстанций.

Власов В.С. обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ, посчитав, что ст. 205 УК РФ не соответствует ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, поскольку, предусматривая как единое оконченное преступление террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти, дает возможность квалифицировать неоконченную форму такого деяния по совокупности преступлений (террористического акта и покушения на убийство), дважды назначая за него наказание.

Однако Конституционный Суд РФ отказал Власову В.С. в принятии заявления, указав следующее:

Оспариваемая заявителем статья, являясь нормой Особенной части уголовного закона, подлежит применению во взаимосвязи с положениями его Общей части. Так, согласно ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части данного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание; при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи данного Кодекса (часть первая); одно же действие (бездействие) признается совокупностью преступлений лишь тогда, когда оно содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями данного Кодекса (часть вторая). При этом лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ), ему назначается наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Оспариваемое законоположение в деле В.С. Власова применено при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом, при этом окончательно назначенное по совокупности преступлений наказание не превысило максимальный предел лишения свободы, которое могло быть назначено при квалификации по одной норме уголовного закона¹.

Что касается имущественного ущерба, то в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ говорится о «значительности» такого ущерба, однако размер такого ущерба не прописан по примеру преступлений против собственности, совершаемых путем хищения (в примечании к ст. 158 УК РФ прописан размер значительного ущерба). В данном же случае этот признак является оценочным, то

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015г. №153-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

есть размер причиненного ущерба будет оценивать суд исходя из стоимости уничтоженного имущества или затрат на восстановление поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности или материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества (п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1).

Что касается организационного ущерба, то он выражается в дезорганизации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительном нарушении работы предприятия (предприятий) и (или) учреждения (учреждений) независимо от их ведомственной принадлежности, формы собственности, организационно-правовой формы; существенном ухудшении экологической обстановки (например, деградация земель, загрязнение поверхностных и внутренних вод, атмосферы, морской среды и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию, устранение последствий которых требует длительного времени и больших материальных затрат).

При решении вопроса о том, явилось ли нарушение работы предприятия или учреждения длительным, судам надлежит исходить из конкретных обстоятельств дела, учитывая при этом специфику их деятельности, общую продолжительность приостановления работы, размер причиненных им убытков и т.д. (п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 09.02.2012г. №1).

В действующем уголовном законодательстве РФ и правоприменительной практике существуют значительные сложности, связанные с толкованием уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт и преступления, содействующие террористической деятельности, их квалификацией, а также их отграничением от смежных с ним преступлений. В частности, в судебно-следственной практике нередко возникают трудности при отграничении террористического акта (ст. 205 УК РФ) от захвата заложника (ст. 206 УК РФ), организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст.

208 УК РФ), бандитизма (ст. 209 УК РФ) и нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ). Это нередко обусловлено внешней схожестью признаков указанных преступных деяний.

2.2. Уголовная ответственность за организованную террористическую деятельность

К организованной террористической деятельности уголовный закон относит террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ) и террористическую организацию (ст. 205.5 УК РФ).

Общественная безопасность выступает для данных составов преступлений в качестве родового и видового объекта¹.

Опираясь на уголовный закон, основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, можно считать общественную безопасность, которая достигается посредством того, что в государстве введён запрет на организацию формирований, ставящих в качестве цели своей деятельности совершение преступлений террористической направленности, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

В качестве объективной стороны составы преступлений, указанные в ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, предусматривают общественно опасное деяние, выраженное в форме действия².

Организаторская деятельность по образованию организации или организационного единства группы лиц, в соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ, заключается в создании организации или организационного единства группы лиц; руководстве такой организацией или организационным единством группы лиц. В группе преступлений, суть которых – организация деятельности иных субъек-

¹ Поличной Р.В. Правовые средства борьбы с террористическими организациями в Российской Федерации // Современное право. - 2017. - №3. - С. 106.

² Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - №2. - С. 175.

тов, имеющей преступный либо деструктивный для общества характер, организаторская деятельность заключается в приложении усилий по инициированию и упорядочению такой деятельности, её возможному развитию, продолжению в течение неопределённого либо сравнительно долгого периода.

Подчеркнём, что законодатель не раскрывает понятия «организационная деятельность» или «организация», а говорит лишь об их проявлении в конкретных формах. Так, согласно ч. 1 ст. 205.4 УК РФ ответственность предусмотрена за организацию террористического сообщества, а по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ за организацию деятельности организации, которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической.

Кроме того, уголовно наказуемым по ч. 1 ст. 205.4 УК РФ выступает руководство террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями. В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)»¹: «Под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (неё) структурными подразделениями следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (её) структурных подразделений, а также отдельных его (её) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)».

Под террористическим сообществом понимается устойчивая группа лиц, которые заранее объединились в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного, либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Таким образом, если террористическое сообще-

¹ Российская газета – 2010, 17 июня.

ство организовывается для совершения убийств, то оно может быть признано террористическим по ст. 205.4 УК РФ, если убийства совершаются в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Организации, признанные террористическими и запрещённые законодательством РФ, содержатся в единых списках террористических организаций, которые формируются на основании национальных механизмов запрета их деятельности. Однако отсутствие в настоящее время единых, признанных всем мировым сообществом, подходов к понятиям «терроризм» и «террористическая организация» затрудняют процесс формирования универсального глобального списка таких террористических организаций. Список организаций, признанных ООН террористическими, частично решает указанную проблему, а Конвенция борьбы с терроризмом содержит не полный понятийный аппарат, соответствующий мировым реалиям. Кроме того, в различных регионах мира, соответственно в разных государствах, возможность объявления организации террористической отнесена либо к законодательной (США, Канада, страны Европейского союза), либо к судебной власти (страны СНГ, Российская Федерация).

Различия существуют и в критериях признания организации террористической, и в применяемых к ней санкциях.

В качестве организаций, запрещённых мировым сообществом и РФ, можно, например, отметить такие, как: «Игил», «Хизбут-Тахрир аль ислами», «Братья-мусульмане», «Аль-Кайда», «Лашкар-е-Тойба», «Исламское движение Востока Туркестана», «Движение Талибан», «Асбаталь-Ансар», «Аль-Харамейн» и др.

Таким образом, для привлечения виновного к уголовной ответственности по признакам преступления, указанного в ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, необходимо, во-первых, чтобы он совершил ряд действий, направленных на организацию деятельности организации, а во-вторых, такая организация в последующем должна быть признана в РФ террористической¹.

¹ Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. - 2015. - №24. - С. 34.

По конструкции объективной стороны основные составы рассматриваемых преступлений имеют усечённый характер, т.е. деяние окончено с момента совершения организационных действий, иными словами, создания такой группы лиц. Глагол «создать» в русском языке предполагает акцент не на деятельности, её формах, а на её результате, т.е. «сделать существующим, произвести, основать»¹, «делать, соделывать, творить или производить, вызывать из небытия в бытие»². Именно поэтому для объединения группы лиц безразлично то, какими способами это достигнуто, поскольку важен итог деятельности.

По ч. 2 ст. 205.4 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ уголовно наказуемым выступает участие в деятельности террористического сообщества и террористической организации. Под участием следует понимать вхождение в состав сообщества (организации), а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т. п.).

Преступление в форме участия лица в преступном террористическом сообществе (террористической организации) можно считать оконченным с момента совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности или иных конкретных действий по обеспечению деятельности такого сообщества (организации).

Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений представлена умышленной формой вины.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 2005. - С. 730.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 2005. Т. 4. - С. 261.

Субъектом выступает физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего (ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5 УК РФ) или 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ).

Важно отметить наличие возможности освободить виновное лицо, участвовавшее в террористическом сообществе или состоявшее в террористической организации в случаях добровольного прекращения своего участия в них и сообщившее о его существовании, но при условии, если в его действиях не содержится иного состава преступления (примечания к ст. 205.4, 205.5 УК РФ).

Не признаётся добровольным прекращение участия в террористическом сообществе (организации) в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных, либо иных процессуальных действий.

По итогам анализа вопросов, изложенных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы:

Решению вопроса о научно обоснованном разграничении террористического акта и других преступлений, содействующих террористической деятельности, могут способствовать:

-научно обоснованное решение проблемы, разработки признаков террористического акта в законодательных актах и критериев его отграничения от смежных и внешне схожих с ним преступлений, содействующих террористической деятельности;

-обстоятельное обобщение судебной практики и принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ о преступлениях, содействующих террористической деятельности. В уголовном законодательстве необходимо дать перечень обще уголовных преступлений террористического характера и перечень признаков терроризма.

Важно также раскрыть понятие этих преступлений, отличное от понятия терроризма. Нами разделяется мнение о том, что наряду с понятием «терроризм», насущной необходимостью является законодательное закрепление понятия «акт (или действия) террористической направленности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа вопросов, изложенных в настоящей бакалаврской работе относительно уголовной ответственности за осуществление террористической деятельности, необходимо сделать следующие выводы:

В современных условиях проблемы противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности относятся к разряду наиболее обсуждаемых как на национальном, так и на международном уровнях.

Ответственность за террористическую деятельность в российском и международном уголовном законодательстве претерпела существенную трансформацию по сравнению с позапрошлым столетием, когда он стал активно проявляться. В частности, на законодательном уровне понятие террористического акта была впервые закреплена только в УК РСФСР 1922г. В дальнейшем количество законодательных актов антитеррористической направленности и преступлений террористической направленности, которые отражались в отечественном уголовном законодательстве, постоянно увеличивалось пропорционально росту террористических актов, совершаемых как в России, так и за рубежом.

Кроме того, технический прогресс обусловил появление новых разновидностей террористической деятельности – «кибертерроризм», «биотерроризм» и т.д. В частности, борьба с кибертерроризмом в международно-правовом пространстве требует решения двух важных вопросов: глобальное регулирование Интернета и создание правовой базы для борьбы с киберпроявлениями терроризма.

Решению вопроса о научно обоснованном разграничении террористического акта и других преступлений, содействующих террористической деятельности, могут способствовать:

-научно обоснованное решение проблемы, разработки признаков террористического акта в законодательных актах и критериев его отграничения от

смежных и внешне схожих с ним преступлений, содействующих террористической деятельности;

-обстоятельное обобщение судебной практики и принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ о преступлениях, содействующих террористической деятельности. В уголовном законодательстве необходимо дать перечень обще уголовных преступлений террористического характера и перечень признаков терроризма.

Важно также раскрыть понятие этих преступлений, отличное от понятия терроризма. Нами разделяется мнение о том, что наряду с понятием «терроризм», насущной необходимостью является законодательное закрепление понятия «акт (или действия) террористической направленности».

Как нам представляется для более точной квалификации деяния по в ч. 1 ст. 205 УК РФ целесообразно внести определенные изменения в диспозицию данной нормы, а именно, после слов «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений» указать «или воздержания от принятия решения». Кроме того, в ч. 1 ст. 205 УК РФ адресатов воздействия указывать в единственном числе, с использованием между ними разделительных союзов, подчеркивая альтернативность данных субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*Нормативно-правовые акты*

1. Устав Международного союза электросвязи, принятая в г. Женеве 22.12.1992 // Собрание законодательства РФ. – 1996. - №48. - Ст. 5370.
2. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 7 августа 2001г. №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, - 2001. - №33 (часть I). - Ст. 3418.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» //Собрание законодательства РФ. – 2006. - №11. - Ст. 1146.
6. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. – 2016, 7 июля
7. Указ Президента РФ от 13 сентября 2004г. №1167 «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом» // Собрание законодательства РФ. – 2004. - №38. - Ст. 3779.
8. Указ Президента РФ от 15 февраля 2006г. №116 «О мерах по противодействию терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 2006. - №8. - Ст. 897.
9. Указ Президента РФ от 14 июня 2012г. №851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» //Собрание законодательства РФ. – 2012. - №25. - Ст. 3315.

10. Концепция противодействия терроризму в РФ, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009г. // Российская газета. – 2009, 20 октября.

Специальная литература

11. Аветисян А. Защита прав лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт немеждународного характера // International Humanitarian Law: Problems and Perspectives for Development. (Collected Articles). Yerevan: Rau Publishing House, 2009. С. 33

12. Батуева Е.В. Американская концепция угроз информационной безопасности и ее международно-политическая составляющая: дисс. ... канд. полит. наук. - М., 2015. - 207 с.

13. Безверхов А.О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. - 2013. - №1. – С.4-11.

14. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов // Уголовное право. - 2016. - №6. - С. 18-26.

15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 2005. Т. 4. - С. 261.

16. Карягина А.В. Модернизация российского антитеррористического законодательства на современном этапе // Уголовная политика РФ: проблемы формирования и реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - 2016. - С. 118-123.

17. Ковалев С.А. Предисловие к книге А. Найера. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. - М., 2000. - С. 10.

18. Максимов С. Кибертерроризм приравнивали к оружию массового поражения // <http://www.infoshos.ru/>

19. Малков В.П. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2005. – 788 с.

20. Маршакова Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. - 2015. - №24. - С. 34-39.

21. Мозжухин А. Террора стало меньше вдвое // <http://rusplt.ru/society/>
22. Москалькова Т.Н. Международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом в Российской Федерации // Российский судья. - 2007. - №4. - С. 42-44.
23. Новое уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. - М., 1996. – 456 с.
24. Нургалиев Р. Электронный патруль // Российская газета. - 2009, 16 октября.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 2005. – 980 с.
26. Паулюс А., Вашакмадзе М. Асимметричная война и понятие вооруженного конфликта - попытка разработать концептуальную модель // icrc.org>rus/assets/files...paulus.pdf.
27. Поличной Р.В. Правовые средства борьбы с террористическими организациями в Российской Федерации // Современное право. - 2017. - №3. - С. 106-109.
28. Пономарев Е.Г. Политический терроризм в России во второй половине 19 века // Журнал Общество и право. - 2012. - №5. - С. 29-32.
29. Процун С.С. О возможности повышения эффективности применения норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием между народными террористическими организациями // Альманах Международного права. - 2010. Вып. 2. - С. 324-325.
30. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм Международного гуманитарного права и Международного права прав человека: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2016. – 401 с.
31. Русинова В.Н. Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вест. РГУ им. П. Канта. - 2008. - С. 25-29.
32. Сассоли М., Олсон Л.М. Взаимодействие международного гуманитарного права и права прав человека там, где это действительно важно: допустимость убийства и интернирования боевиков во время немеждународных воору-

женных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. - 2008. - №871. - С. 194-200.

33. Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - №2. - С. 175-182.

34. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. - М., 2008. – 210 с.

35. Тункин Г.И. Теория международного права. - М.: Зерцало-М, 2015. - 396 с.

36. Чернядьева Н.А. О международных подходах правового регулирования борьбы с кибертерроризмом // Информационное право. - 2016. - №2. - С. 26-29.

37. Чернядьева Н.А. О недопустимости признания террористов субъектами международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. - 2017. - №3. - С. 93-98.

Материалы судебной практики

38. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)» Российская газета – 2010, 17 июня.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. - №4.

40. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015г. №153-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

41. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 09.01.2017г. №44У-4/2017 // <http://www.consultant.ru/>

42. Справка по итогам изучения судебной практики Ульяновской области по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности // <http://www.consultant.ru/>

Электронный ресурс

43. <http://mvd.ru/>

44. <http://rusplt.ru/society/>

45. <http://www.consultant.ru/>

46. <http://www.infoshos.ru/>

47. <http://www.beltsynd.ru/>

48. <http://www.bezpeka.com/>

49. <http://www.itu.int/newsroom/>

50. <http://news2world.net/>

51. http://ria.ru/defense_safety/

52. <http://www.oas.org/>

53. <https://www.icrc.org/>

54. <http://www2.ohchr.org/>